

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Ключ от ворот

У каждого ключа своя история, и самых-то ключей много: есть камергерские ключи, есть часовые, есть ключи св. Петра и много других. Мы могли бы рассказать кое-что обо всех, но теперь расскажем только о ключе надворного советника.

Ключ этот делал слесарь, но самому-то ключу могло показаться, что его ковал кузнец – так тот неистово колотил и пилил его. Ключ был чересчур велик для брючных карманов; приходилось носить его в сюртучном. Тут он частенько полеживал в потёмках; обычное же место его было на стене, рядом с силуэтом, изображавшим советника в детском возрасте; лицо советника напоминало на нём сдобную лепешку, окружённую курчавыми волосами.

Говорят, что в характере и манерах всякого человека есть нечто, напоминающее о созвездии, под которым он родился, например – о созвездии «Быка», «Девы», «Скорпиона». Но советница не ссылаясь ни на одно из созвездий поименованных в календаре, а говорила, что муж её родился под созвездием «Тачки», – его вечно надо было подталкивать. Отец толкнул его на службу, мать толкнула жениться, а жена дотолкала до чина надворного советника, о чём, впрочем, никогда не проговаривалась. Она была рассудительная, честная женщина, умела и помолчать кстати и толкнуть вовремя.

Советник был господином плотным и довольно полным – «в пропорцию», как выражался сам. Был он также человеком начитанным, добродушным и к тому же отличался «ключевой мудростью». Смысл последнего выражения поймём потом. Он всегда был в духе, любил всех людей, охотно болтал со всеми, и уж если бывало уйдёт из дому, да ещё без жены, которая вечно подталкивала его, то залучить его опять домой было мудрено. Ему надо было поговорить с каждым встречным знакомым, а знакомых у него была пропасть, так время-то и уходило, а дома всё ждали, да ждали хозяина обедать.

Советница караулила мужа у окна. «Ну, идёт!» говорила она кухарке. «Подогрей суп!.. Ах, нет, отставь, – переварится! Советник остановился и говорит с кем-то!.. Ну, вот теперь идёт! Подогревай!»

Но советник и не думал приходить.

Он был способен дойти до самых ворот своего дома, кивнуть жене головою и – застрять на самом пороге, если завидит на улице знакомого. Как не перекинуться словечком, другим! А случись ему в то же время завидеть ещё знакомого, он брал за пуговицу пальто первого, протягивал руку второму и уже окликал проходящего мимо третьего.

Вот был настоящий искус для советницы!

«Советник! Советник!» кричала она. «Нет, этот человек положительно рождён под созвездием „Тачки“: сам сдвинуться с места не может, всё надо его подталкивать!»

Советник очень любил также заходить в книжные лавки и рыться в книгах и журналах. Он даже платил своему знакомому книгопродавцу небольшую сумму за право пробегать все новые книги, разрезая их только вдоль, а не поперёк, – иначе бы их уж нельзя было продать за новые. Вообще же советник был, не в обиду ему будь сказано – «ходячей газетой»: он знал обо всех помолвках, свадьбах и похоронах, о всяких сплетнях и устных, и печатных, и даже иногда таинственно намекал на что-то такое, о чём не знал никто, кроме его самого. Подобные секретные сведения он получал от своего ключа.

Советник и советница с самой женитьбы своей жили в собственном доме, и за всё это время у них был всё один и тот же ключ от ворот, но сначала-то никто и не подозревал о чудных свойствах ключа; они обнаружились гораздо позже.

Было это в царствование короля Фредерика VI. Копенгаген в то время не имел ещё газового освещения, а только ворванное; не было тогда и Тиволи^[1], не было и Казино^[2], ни дилижансов, ни конно-железных дорог. Сравнительно с настоящим по части развлечений было тогда бедно. По воскресеньям обывателям столицы предоставлялось на выбор: или предпринять прогулку за город на кладбище, почитать там надгробные надписи, потом

усесться на травку, распаковать корзинку со съестными припасами, выпить да закусить, или же отправиться в Фредериксбергский сад, где на площадке перед дворцом играла полковая музыка, а в аллеях толпился народ, смотревший, как королевская фамилия катается в лодке по узким каналам. Старый король сам правил рулём, рядом с ним сидела королева, и оба приветливо отвечали на поклоны всех подданных, не разбирая сословий и чинов. В Фредериксберг стекались по преимуществу люди посостоятельнее и распивали тут чай. Кипяток можно было достать в крестьянском домике, что стоял в поле против сада, но чайники и самовары приходилось иметь свои.

В один прекрасный воскресный день советник с советницей и отправились после обеда в Фредериксбергский сад; служанка шла впереди с самоваром и корзиною со съестным и водочкою.

– Захвати с собой ключ от ворот! – сказала советница. – Не то нам трудно будет попасть в дом, если мы запоздаем. Ты знаешь, ворота запираются, как только стемнеет, а проволока колокольчика вчера оборвалась!.. А, ведь, мы непременно запоздаем! Из Фредериксберга мы пойдём в театр смотреть пантомиму «Арлекин – старшина молотильщиков». Там люди спускаются на землю на облаке! И вход стоит всего две марки с персоны!

И вот, они отправились в Фредериксберг, слушали там музыку, любовались королевскими лодками, изукрашенными флагами, видели старого короля и белых лебедей. Напившись чаю и закусив, они заторопились в театр, но всё-таки опоздали к началу представления.

Хождение по канату и пляска на ходулях уже кончились, и началась пантомима. Советник с советницей опоздали как и всегда, и, разумеется, по вине советника: ему поминутно надо было останавливаться и болтать со знакомыми! Он и в театре встретил добрых друзей, и когда представление окончилось, ему с женой пришлось принять настойчивое приглашение одного знакомого семейства, жившего неподалеку от театра. Приглашали их только на стаканчик пунша, что могло задержать их разве минут на десять. Но, конечно, эти минуты растянулись за разговорами в целый час. Особенно заинтересовал всех один

барон – шведский ли, немецкий ли, советник не запомнил, но зато навсегда сохранил в памяти то, чему научил его барон, проделывавший разные фокусы с ключом. Это было необыкновенно занимательно! Барон мог заставить ключ отвечать на все вопросы, которые ему задавали, каких бы секретных предметов они не касались. Особенно пригодным оказался для этих фокусов советников ключ от ворот, – у него была тяжёлая бородка. Барон надевал кольцо ключа на указательный палец правой руки, а бородка висела свободно; малейшее биение пульса могло привести её в движение, и она повёртывалась; если же нет, то барон умел незаметно заставить её повернуться, куда ему хотелось. Каждый поворот бородки означал какую-нибудь букву азбуки; когда называли, наконец, настоящую букву, бородка повёртывалась в обратную сторону. После того начинали отгадывать следующую букву, и так выходили целые слова, а затем и целые предложения – ответы на вопросы. Конечно, всё это был один обман, но очень забавный. Так сначала отнёсся к делу и сам советник, но потом переменил мнение и совсем увлёкся проделками ключа.

– Муж, а муж! – крикнула вдруг советница. – Западные ворота запираются, ведь, в двенадцать часов! Мы не попадём в город, остаётся всего четверть часа! Пришлось спешить; по дороге их то и дело обгоняли пешеходы, тоже торопившиеся попасть в город вовремя. Наконец, они добрались до крайней сторожевой будки, но в ту же минуту пробило двенадцать, и ворота захлопнулись! Целая толпа людей осталась по сю сторону ворот; между ними и советник с советницей и служанкой, которая тащила самовар и пустую корзину. Некоторые опешили, другие рассердились; каждый отнёсся к делу по-своему. Что же, однако было делать?

К счастью, в последнее время было отдано распоряжение оставлять незапертыми на всю ночь одни из городских ворот – «Северные»; через них-то пешеходы и могли пробраться в город. Не близко было до Северных ворот, но погода стояла хорошая, ясное небо было усеяно звёздами, то и дело скатывались падающие звёздочки, в канавах и прудах квакали лягушки, и путники тоже мало-помалу распелись. Но советник не пел и не смотрел не только на звёзды, но и себе под ноги, ну, и растянулся во весь рост на краю канавы! Можно было подумать,

что он выпил лишнее, но дело было вовсе не в пунше, а в ключе, который не переставал вертеться у него в голове.

Наконец, добрались и до будки у Северных ворот, перешли мост и вошли в город.

– Ну, вот теперь отлегло от сердца! – сказала советница. – Вот и наши ворота!

– Да; только где же ключ от них? – спросил советник.

Ключа не оказывалось ни в заднем кармане, ни в боковых.

– Ах, Господи Боже мой! – сказала советница. – Так у тебя нет ключа? Верно, ты потерял его там с этими баронскими фокусами! Как же мы попадём теперь домой? Проволока колокольчика оборвана, у сторожа другого ключа нет, – просто беда!

Служанка принялась хныкать; один советник сохранил присутствие духа.

– Надо выбить стекло в подвале у мелочного торговца! – сказал он. – Пусть он отворит нам ворота!

И он выбил одно стекло, потом другое, просунул туда ручку зонтика и закричал: «Петерсен!» Изнутри послышался крик дочери мелочного торговца. Сам торговец распахнул двери лавки и закричал: «Караул!» И прежде, чем лавочник успел хорошенько рассмотреть и признать хозяев, да впустить их во двор, сторож уже дал свисток, ему откликнулся другой из соседней улицы, из окон начали выглядывать люди, посыпались вопросы: «Где пожар? Где скандал?» и продолжались ещё, когда советник давно уже был у себя дома, снял сюртук и... нашёл в нём ключ от ворот. Ключ лежал не в кармане, а между материей и подкладкой, – в кармане была дыра, хотя ей вовсе и не полагалось быть там.

С того вечера ключ от ворот стал предметом особого внимания, и не только, когда советник с советницей уходили по вечерам прогуляться, но и когда сидели дома, – советник показывал своё искусство, заставляя ключ отвечать на разные вопросы.

Он заранее придумывал наиболее подходящий ответ и затем заставлял ключ давать его, но под конец как-то и сам уверовал в способности ключа. А вот аптекарь, молодой человек и близкий родственник советницы, так ничему не верил.

Умный человек был этот аптекарь и с критической жилкой. Он ещё на школьной скамье зарабатывал деньги рецензиями книг и

театральных представлений, причём никогда не подписывал своих статей, – так выходит внушительнее. В нём, как говорится, преобладал эстетический дух, но сам он ни в каких духов, особенно в духов, обитающих в ключах, не верил.

– Впрочем, нет, я верю! – говорил он. – Верю, добрейший господин советник! Верю в ключ от ворот и во всех духов ключей так же твёрдо, как и в новейшую науку, что открыла духов в старой и новой мебели и занимается столоверчением! Вы слышали о ней? Я слышал! Я сомневался было, – вы, ведь, знаете, я из числа скептиков – но теперь стал прозелитом^[3] новой веры, прочитав в одной достойной доверия заграничной газете ужасную историю. Я, впрочем, за что купил её, за то и продаю! Представьте же себе, советник! Двое умных детей видели, как родители их вызывали духов из большого обеденного стола. Детишки остались одни и захотели в свою очередь попробовать пробудить жизнь в старом комод. Жизнь-то они в нём пробудили, духи проснулись, но не захотели слушаться ребячьей команды, поднялись – комод затрещал, выдвинул ящики и уложил в них своими ножками обоих ребят, затем выбежал в открытую дверь, спустился по лестнице на улицу, прямо к каналу, да и утопился там вместе с детьми. Тела детей предали христианскому погребению, а комод отправили в ратушу и присудили за убийство детей к сожжению живьём на костре. Вот что я вычитал в иностранной газете и передаю вам, ничего не прибавляя от себя! Ключ меня побери, если я выдумываю! Видите, я даже поклялся!

Но советник нашёл, что это было со стороны аптекаря уж чересчур грубой шуткой. Не стоило и говорить с ним о ключе: аптекарь был глуп, как самый последний ключ!

Сам же советник всё более и более изощрялся в «ключевой мудрости». Ключ и забавлял его, и поучал.

Однажды вечером советник уже собирался лечь в постель и стоял в спальне полураздетый, как вдруг в дверь из коридора постучали. Поздним гостем оказался лавочник, тоже полураздетый. И он было совсем уж собрался спать, да вдруг ему пришла в голову мысль, и он побоялся забыть её за ночь!

– Дело-то идёт о дочке моей Лотте-Лене. Она девушка красивая,

конфирмована, и мне хотелось бы теперь пристроить её получше!
– Да, ведь, я ещё не вдовец! – усмехнулся советник. – И сына у меня нет, за которого бы я мог посватать её!

– Ну, вы поймёте в чём дело, господин советник! – сказал лавочник. – Она играет на фортепьяно, умеет петь, – небось слышно по всему дому! Но вы ещё не знаете всего, на что эта девочка способна. Она умеет подражать разговору и походке всякого! Она просто создана для театра, а это хорошая дорога для красивых молодых девушек из порядочных семейств! Им удаётся иной раз подхватить в мужья графов! Ну, да об этом-то пока ни я, ни Лотта-Лена не думаем! Так вот, она умеет петь, играть на фортепьяно, и на днях я пошёл с нею в школу пения. Она спела, но оказалось, что у неё нет ни этакого пивного баса, ни канареечного визга, которые нынче требуются от певиц. Ну, ей и отсоветовали идти в певицы. «Что ж», подумал я, «коли не в певицы, так в актрисы! Для этого нужно только уметь говорить». И сегодня я завёл об этом речь с «инструктором», как он там у них называется. «А она начитана?» спрашивает он. «Нет!» говорю: «совсем нет!» «Ну, а это необходимо для актрисы!» «Что ж, начитанность-то она ещё приобрести может!» подумал я и пошёл себе домой. «Пусть Лотта-Лена запишется в библиотеку и перечитает всё, что там есть!» Но вот, сижу это я сейчас, раздеваюсь и вдруг мне пришло на ум: зачем же платить за чтение, коли можно иметь его даром! У советника пропасть книг, пусть он даст их Лотте-Лене почитать – вот тратиться-то и не придётся!

– Лотта-Лена славная девушка! – сказал советник. – Красивая девушка. – Книги я ей дам! Но есть ли у неё, что называется – огонёк, талант? Да, и кроме того, везёт ли ей вообще? Счастье, ведь, тоже вещь очень важная!

– Она два раза выигрывала в лотерею! – ответил лавочник. – Один раз выиграла шкаф для платья, а другой – полдюжины простынь. Разве это не счастье?

– А вот я сейчас спрошу насчёт этого ключ! – сказал советник. И он надел кольцо ключа на указательный палец правой руки себе и лавочнику и заставил ключ вертеться и указывать букву за буквой.

И ключ ответил: «Победа и счастье!» Таким образом будущее Лотты-Лены было определено.

Советник сейчас же вручил лавочнику две книги: трагедию «Дювеке» и «Обхождение с людьми» – Книгге. Пусть Лотта-Лена читает!

С этого вечера между Лоттой-Леной и семейством советника завязалось более близкое знакомство. Она стала бывать у них, и советник нашёл её девушкой очень разумной, – она верила и в него, и в ключ. И советнице она тоже понравилась. Непринужденность и откровенность, с которыми девушка на каждом шагу сознавалась в своём невежестве, казались советнице чем-то детским, невинным. Словом, оба супруга, каждый по-своему, питали симпатию к Лотте-Лене, а она к ним.

– Как у них чудесно пахнет! – говорила она.

В самом деле, в коридоре у них пахло яблоками, – советница заготовила на зиму целую бочку – а по всем комнатам распространялось благоухание роз и лаванд.

– У них всё на благородную ногу! – говорила Лотта-Лена, любясь прекрасными комнатными цветами советницы. У той даже зимою цвели в комнатах ветви сирени и вишень. Она ставила срезанные оголённые веточки в воду, и они в тепле скоро одевались листьями, а потом покрывались и цветами.

– Вот, можно было подумать, что жизнь совсем покинула эти голые ветви, а поглядите-ка, как они воскресли! – говорила советница.

– Мне никогда ничего такого и в голову не приходило! – отзывалась Лотта-Лена. – Какая, однако, эта природа милая!

Советник же показывал ей свою «ключевую книгу», куда были занесены разные замечательные ответы и разоблачения ключа, например – относительно пропажи из шкафа половинки яблочного пирожного, как раз в тот вечер, когда у кухарки был в гостях её друг.

Советник спросил ключ: «Кто съел пирожное – кошка или друг?» И ключ ответил: «Друг!» Советник, впрочем, знал это заранее, да и служанка поспешила сознаться: ещё бы! этот проклятый ключ знал решительно всё!

– Ну, не замечательно ли это? – спрашивал советник. – Вот это

так ключ! А на вопрос о судьбе Лотты-Лены он ответил: «Победа и счастье»! Ну, вот и посмотрим! Я-то уж ручаюсь за него!

– Как всё это мило! – говорила Лотта-Лена.

Сама советница не была так доверчива, но не выражала своих сомнений при муже, а только после как-то призналась Лотте-Лене, что муж её молодым человеком сам без ума был от театра. Толкни его тогда кто-нибудь на сцену, он бы наверно сделался актёром, но родители, напротив, оттолкнули его от этого. Но он всё-таки желал как-нибудь пробраться на сцену и даже написал ради этого комедию.

– Я доверяю вам большую тайну, милочка! – говорила советница.

– Комедия была недурна, её приняли на королевскую сцену и – освистали! С тех пор о ней не было и слуха, чему я очень рада. Я, ведь, жена его и хорошо его знаю! Теперь и вы хотите пойти по той же дороге – желаю вам всего хорошего, но сомневаюсь в успехе! Не верю я в ключ!

А Лотта-Лена верила и вполне сходилась в этом случае с советником. Вообще сердца их отлично понимали друг друга, но в пределах честных и благородных отношений.

Девушка в самом деле отличалась многими достоинствами, которых не могла не ценить и сама советница. Лотта-Лена умела делать крахмал из картофеля, перешивать старые шёлковые чулки на перчатки и обтягивать заново свои шёлковые бальные башмачки, даром что у неё хватало средств одеваться во всё новое. У неё, ведь, были, как выражался мелочной торговец, «и монетки в шкатулке и облигации в денежном ящике». Словом, она бы как раз годилась в жёны аптекарю, думалось советнице, но она ни сама не заговаривала об этом, ни к ключу не прибегала. Аптекарь должен был в скором времени обзавестись собственной аптечкой в одном из ближайших больших провинциальных городов.

Лотта-Лена всё ещё читала «Дювеке» и «Обхождение с людьми». Она держала у себя эти книги два года, но зато и выучила наизусть одну – «Дювеке», выучила все роли, а сама-то собиралась выступить лишь в одной, именно в роли Дювеке, но выступить не в столице, где всегда столько недоброжелателей и где её знать не хотели. Лотта-Лена решила начать свою «артистическую карьеру» – как выражался советник – в

провинции.

И вот, случилось так, что ей пришлось дебютировать в том самом городе, где устроился молодой аптекарь в качестве если не единственного, то самого младшего аптекаря.

Наконец, настал тот великий, долгожданный вечер, в который Лотта-Лена должна была, по предсказанию ключа, завоевать себе победу и счастье. Советник не мог присутствовать на представлении, – он лежал в постели, и советница угощала его горячими припарками и липовым чаем – припарками на желудок, а чаем в желудок.

Итак, супруги не были на первом дебюте Лотты-Лены, но аптекарь был и написал о нём своей родственнице советнице.

«Лучше всего был воротник на Дювеке», писал он. «Будь у меня в кармане советников ключ, я бы вытащил его и свистнул: этого заслуживала и Лотта-Лена, и сам ключ, бесстыдно напрогорочивший ей «победу и счастье!»»

Советник прочёл письмо и объявил, что всё это одно недоброжелательство, «ключененависть», которая отозвалась и на ни в чём неповинной девушке.

И как только он поправился, сейчас же написал аптекарю небольшое, но ядовитое письмецо. Тот в свою очередь ответил, но так, как будто принял письмо советника за самую безобидную и весёлую шутку: благодарил советника за настоящее, равно как и за всякое будущее разъяснение неподражаемого значения и важности ключа, и признавался, что и сам в свободное от занятий время пишет большой роман о ключах. Все действующие лица в нём – ключи; главным же являлся ключ от ворот. Образцом для него послужил советников ключ, как одарённый даром прозорливости и пророчества. Все остальные ключи вертелись около этого ключа: и старый камергерский ключ, который знавал лучшие времена и рассказывал о придворном блеске и празднествах, и часовой ключик, такой изящный и важный, стоящий у часовых дел мастера четыре скиллинга, и ключ от церковных дверей, который, оставшись однажды на ночь в замочной скважине, видел духов, и ключ от кладовой, и ключ от дровяного сарая, и от винного погреба. Все они низко склонялись перед ключом от ворот, все вертелись около него.

Солнечные лучи серебрили его, «всемирный дух» ветер забирался в него и свистел. Словом, этот ключ всем ключам был ключ: сначала-то он был только ключом от ворот советника, а затем стал ключом от ворот рая, ключом-папою, – он, ведь, непогрешим!

– Сколько злобы! – сказал советник. – Чудовищной злобы!

Зато он больше и не виделся с аптекарем – до самых похорон советницы.

Она умерла первая.

В доме была печаль и горе. Даже срезанные веточки вишнёвых деревьев, пустившие было свежие побеги и покрывшиеся цветами, и те до того опечалились, что завяли; о них позабыли; хозяйка не могла уже ухаживать за ними.

Советник и аптекарь шли за гробом рядом, как близкие родственники; тут было не время и не место сводить счёты.

Лотта-Лена обвязала шляпу советника чёрным крэпом. Она уже давно вернулась домой, не завоевав себе ни победы, ни счастья. Но она ещё могла завоевать их, – всё будущее её было ещё впереди, а недаром же ключ предсказал ей «победу и счастье» да и советник подтвердил.

Она стала навещать его. Они беседовали об умершей и плакали вместе, – сердце у Лотты было мягкое. Говорили они также и о театре, но тогда Лотта-Лена становилась твёрдою.

– Жизнь актрисы прелестна! – говорила она. – Но сколько там вздора и зависти! Нет, я лучше пойду своею дорогою! Сначала я сама, а потом уж искусство!

Она убедилась, что Книгге прав в своих суждениях об актёрах, а ключ попросту наврал ей, но не проговаривалась об этом советнику, – она любила его.

Ключ был, ведь, истинным его утешением в дни скорби. Советник задавал ему вопросы, а он отвечал. И вот, через год, сидя вечером рядом с Лоттой-Леной, советник спросил ключ: «Женюсь ли я и на ком?»

На этот раз никто не подталкивал его, он сам подталкивал ключ, и этот ответил: «На Лотте-Лене!»

И Лотта-Лена сделалась советницею.

«Победа и счастье!» Недаром же это было ей предсказано, и

предсказано – ключом.

^[1] Один из увеселительных садов, наиболее любимый и посещаемый копенгагенцами.

^[2] Один из частных театров Копенгагена.

^[3] Прозелит – перен., новый и горячий приверженец чего-либо.

 Загрузка...